

Глава 10

Цуй Люй всегда полагал, что брак его старшей дочери — это гармония лютни и цитры.

В его видениях о грядущей катастрофе Сьюроун до самого конца не оставляла Ли Вэнькана. Это убедило Цуй Люя в крепости их чувств: они вместе растили детей, в доме не было наложниц, а властных свекра со свекровью сдерживал авторитет деда, не позволяя им чрезмерно вмешиваться в жизнь молодой четы.

Пусть первые годы после свадьбы, проведённые под одной крышей с родителями мужа, и были несколько стеснены, но стоило их первенцу, Ли Бо, подрасти, как семья перебралась в город. Ли Вэнькан хотел, чтобы сын учился в академии клана Цуй, и потому они зажили своим домом. В окрестных деревнях молодые жёны зеленели от зависти, обсуждая их удачу.

И хотя ту усадьбу купили на приданое Сьюроун, сама возможность жить вдали от свекрови казалась пределом мечтаний.

Цуй Люй искренне не понимал, откуда у старшей дочери взялись мысли о разводе. Он не обрушивал на Ли Вэнькана те же суровые меры, что на младшего зятя, именно потому, что в его пророческих снах эта пара делила и горе, и радость. Ему казалось, что Ли Вэнькан, пусть и был излишне книжным затворником с путаницей в голове, оставался достойным мужем и отцом.

— Почему? С чего вдруг у тебя такие мысли?

Цуй Сьюроун прижалась лбом к скрещенным на столе рукам, её плечи мелко задрожали.

— Не спрашивайте, отец... Я всё равно ничего не скажу. Но раз вы позволили Юлин вернуться домой, прошу, позвольте и мне.

Цуй Люй перевёл взгляд на старшего сына.

— Когда ты отвозил вещи, Вэнькан был дома?

Юаньни кивнул, и лишь спустя мгновение его сведённое от потрясения горло выдало ответ:

— Был. Он в это время в кабинете с ближайшим другом наслаждался стихами и каллиграфией.

Сьюроун опустила голову ещё ниже, скрывая мелькнувшую на лице гримасу отвращения. Цуй Люй на мгновение задумался, взвешивая решение.

— Ты точно всё обдумала? Старейшина Ли души не чаёт в Бо-эр. Он ни за что не позволит тебе забрать наследников рода Ли.

— Позволит... — Сяроун вскинула голову. В её влажных глазах горела решимость человека, готового пойти на всё. — Отец, если вы поддержите мой развод, я выведу и Бо-эр, и Шу-эр из того дома.

Цуй Люй замолчал на долгое время.

— Ты сама выбирала мужа. Да, у него есть замашки напыщенного грамотея, но все эти годы он, кажется, искренне заботился о тебе и детях.

Цуй Люй планировал просто отрезать зятя от денежных вливаний. Без золота те, кто льстил Ли Вэнькану на литературных собраниях, быстро бы отвернулись от него. С его неумением заводить полезные знакомства Ли Вэнькан вскоре остался бы в одиночестве, выброшенный из круга «ученых мужей» уезда, которые только и умели, что судить других, пресмыкаясь перед сильными.

Цуй Люй медлил ещё и потому, что дружил с дедом Ли Вэнькана. Он не знал, как подступиться к старому другу с такой новостью. Возможно, именно это родство и удерживало Сяроун всё это время?

Дочь опустила на колени, слезы катились по её щекам.

— Раньше вы... вы были...

Она дважды запнулась, прежде чем решиться:

— Вы были холодны к нам. Вы никогда не спрашивали о нашей жизни. Даже если случалась беда, мы не смели рассказать вам, не смели жаловаться матери, чтобы не расстраивать её лишней раз. Отец, я никогда ничего у вас не просила. Если бы сегодня брат не привез в мой дом ту телегу с вещами, я бы никогда не решилась прийти к вам. Вы всегда дорожили богатством больше жизни... Я когда-то горько шутила с матерью, что, если дождусь от вас подарка, это станет моим величайшим счастьем. И сегодня, когда это случилось, я осмелилась вернуться.

Она хотела поставить это внезапное «счастье» на карту, надеясь, что отец примет её обратно.

Цуй Люй почувствовал, как в груди защемило от этой сдержанной, почтительной горечи. В боковом зале повисла тяжёлая тишина. Все замерли, ожидая, что патриарх, верный своему прежнему нраву, вспыхнет гневом, отчитает дочь за дерзость и выставит вон, отобрав все дары. Раньше именно так бы и случилось — слуги уже тащили бы её к воротам.

Цуй Юлин, видя безмолвие отца и жалкий вид сестры, зажмурилась и тоже рухнула на колени.

— Отец! — выдохнула она, заикаясь от страха. — Я... я могу не разводиться! Пусть старшая сестра вернётся, а я... я могу подождать... ещё немного...

Цзикан, младший сын, не выдержал и прыснул. Только он смел вести себя так вольно перед строгим отцом. Сделав пару шагов вперед, он попытался поднять сестёр.

— Ты что, думаешь, очередь на развод можно уступить? — усмехнулся он, глядя на Юлин. А затем повернулся к Сьюрун: — Я знаю, почему сестра хочет уйти. Позже я всё объясню отцу сам, тебе об этом говорить не пристало. Отец, я за неё. Раньше я думал, что сестре всё равно, но раз она страдает — нечего себя принуждать.

Лицо Сьюрун мгновенно побелело. Она вцепилась в руку брата.

— Откуда... откуда ты знаешь?

Цзикан неловко почесал затылок.

— Друг рассказал. Сказал, что в их литературных кругах это теперь мода такая. Все так делают, ничего особенного. Многие жёны смирились, вот и я думал, что ты тоже...

Сьюрун поднялась, опираясь на плечо брата, её била дрожь.

— Я не смогу с этим смириться. Мне противно!

Цуй Юлин с любопытством вытянула шею:

— О чем вы? Что это за мода такая скверная?

Юаньи, старший сын, мгновенно всё понял. Лицо его потемнело, кулаки сжались.

— Это тот человек? — хрипло спросил он.

Тот самый мужчина, который в доме его сестры вёл себя как полноправный хозяин, когда Юаньи привозил дары.

Сьюрун лишь едва заметно кивнула.

Цуй Люй, глядя на детей, наконец разгадал их загадку.

«Изысканные забавы южного ветра». Повальное увлечение мужским фаворитизмом, захлестнувшее Цзянчжоу в годы властвования Великих Кланов.

Поскольку в зале были дети, Цуй Люй не стал развивать тему, но причина, по которой Сяроун требовала развода, стала ясна. Потрясение в его душе было сильнее гнева.

Значит, то семейное счастье, которое он видел в своих видениях, было лишь притворством? Смирением отчаявшейся женщины? Она знала, что отец не поддержит её, а после смерти матери ей и вовсе не на кого было опереться. Связанная по рукам и ногам любовью к детям, которых бы у неё отобрали, она просто научилась терпеть, как и сотни других женщин.

Цуй Люй открыл рот, но слова застряли в горле. Впервые он почувствовал жгучее раскаяние за годы равнодушия. Это были его дети. Он мог обеспечить им любую жизнь, лучший выбор, так почему всё сложилось именно так?

— Хорошо. Делай, что считаешь нужным. Я согласен.

Его голос, слегка охрипший от подступившего комка, прозвучал жёстко, но для детей он был слаще небесной музыки. Даже Цуй Чэн, готовый в любую минуту броситься усмирять гнев хозяина, облегченно вздохнул и поспешил на кухню, подавая знак выносить угощения.

Дети, уже порядком проголодавшиеся, дружно сглотнули слюну. Взрослые тоже замерли, глядя на яства, которых прежде никогда не бывало на их столе. Когда на середину водрузили дымящийся котел, все нерешительно заняли свои места, но никто не решался поднять палочки.

Этот ужин Цуй Люй велел готовить заранее. Кое-что Цуй Чэн закупил в городе, а за иными деликатесами посылал повозку в самую столицу области.

Цуй Люй указал на одно из блюд:

— Это мясо на углях, как готовят в Северных землях. Говорят, сам Великий император подбирал приправы. Вкус совсем не такой, как у нас: нежное, сочное и ароматное. А главное — этот перец. Его привезли из-под шатров вождей кочевников. Он куда острее нашей горчицы. Кто любит поострее — посыпайте, а детям дайте просто с пряностями.

Мясо подавали на больших блюдах, уже нарезанное и поджаренное на кухне. Для самых маленьких слуги дополнительно измельчали кусочки ножницами.

Цуй Люй продолжал называть блюда одно за другим. Продукты были знакомые, но сочетания — в диковинку. Например, «Битва тигра с драконом»: деревенские знали, что черепах можно есть, но без должной сноровки они выходили липкими и дурно пахнущими. Однако, тушенная вместе с курицей по городскому рецепту, черепаха превращалась в изысканное и целебное

кушанье.

Сам Цуй Люй никогда этого не пробовал, но видел на столах вельмож, а потому описывал вкус так уверенно, будто лакочился этим всю жизнь.

— Раньше я слишком ценил золото, — подытожил он, глядя на притихших родных. — Я многого не понимал и заставлял вас страдать. Пусть этот ужин станет началом новой жизни нашей семьи. Отныне на праздники стол будет только таким. Я велю обустроить отдельные кухни в каждом дворе. Жёны и дети могут есть то, что им нравится — готовьте сами или покупайте в городе. Я... я позволяю это.

Дочерям, ушедшим в чужие семьи, по правилам не полагалось такой щедрости, но Цуй Люй более не желал следовать мертвым догмам. Раньше он боялся часто звать их к себе, чтобы не злить зятьев, но раз обе решили развестись — к черту зятьев. Пусть катятся куда подальше.

Дети не вникали в перемены в душе деда — их манил аромат еды. А вот взрослые сидели, не смея шевельнуться, и с опаской поглядывали на старика.

Наконец тишину нарушил младший сын, Цзикан. Обжигаясь острым перцем и жадно запивая его водой, он спросил:

— Отец, вы что, решили нас разделить?

Новые кухни, раздача денег — всё это походило на раздел имущества перед тем, как разъехаться. Покойная мать не раз просила о своей кухне, но отец всегда отказывал, считая это расточительством. Из-за этого им приходилось тайком бегать за три ли от города, чтобы просто поесть чего-нибудь вкусного.

Второго брата, Чжунхао, рядом не было, так что никто не выдал секрет: Цзикан и Чжунхао уже пробовали черепаху в городе. Тогда они спустили на это блюдо все свои тайные накопления, и вкус им, честно говоря, не понравился. Зато мясо на углях Цзикану было по душе, но в тот раз на него не хватило денег.

Женщины за соседним столом ели скромно, но внимательно прислушивались. Когда Цзикан озвучил их общие страхи, старший сын Юань поднялся.

— Отец, я не согласен на раздел семьи.

Цуй Люй на мгновение замер, переглянулся с Цуй Чэном и негромко рассмеялся. Он шутливо хлопнул младшего по затылку.

— И кто тебя просил чепуху молоть? Какой еще раздел? Или тебе не нравится, сколько денег я дал твоей жене? Хочешь вернуть старику?

Цзикан опешил и покосился на свою жену за соседним столом.

— Нет-нет! Она от радости чуть рассудок не потеряла. Да и кто же возвращает подарки? Отец, не морочьте мне голову. Я в науках не силен, но считать умею. У снох есть, у сестёр есть, с чего бы моей жене возвращать? Это несправедливо!

Цуй Люй прищурился:

— Значит, свою долю ты не возьмёшь? Детей у тебя ещё нет, им не полагается... Что ж, твоя ветвь сэкономит мне немало серебра. Добрый сын.

Цзикан вытаращил глаза на отца, который сегодня казался совершенно другим человеком. Внезапно он вскочил и жирными от мяса руками обнял старика, завывая:

— Отец! Разве это не раздел? Зачем вы раздаете нам деньги, даже внуков не забыли? Нет, отец, что с вами случилось?

Он не присутствовал при прошлом разговоре старшего брата с отцом, и теперь его мысли потекли по тому же пути: «старик чует близость конца». Он был так искренне, что дети перестали жевать и уставились на него круглыми глазами.

Мрачные мысли Сьюрун о разводе немного рассеялись, а Юлин и вовсе забыла о страхе перед Ван Инцзинем.

Их отец изменился до неузнаваемости, но в этом новом облике он казался им куда ближе. Пусть он всё ещё хмурился по привычке, в его жестах появилась мягкость.

Власть золота велика. Раньше Цуй Люй копил богатство, и это делало его холодным и неприступным. Теперь же, когда он начал его раздавать, он словно очистился. Даже собственные дети начали видеть в нём человека, а не только сурового судью.

Цуй Люй всё понимал и лишь усмехался про себя. Иногда людям полезно обманываться, чтобы быть счастливыми.

Он начал чувствовать странное удовольствие от трат. Раньше он не понимал тех, кто с улыбкой сорил деньгами. Теперь понял: это дарило легкость и свободу.

Посмотрите! Стоило раздать немного серебра, и невестки заулыбались, а дети, наевшись, уже крутились у его ног, просясь на руки.

А раньше? Стоило ему показаться, как внуки разбежались по углам, боясь его окрика. Ему было горько осознавать, что за все эти годы ни один внук не был с ним по-настоящему близок.

Старший внук, как и его отец, скорее почитал его, чем любил.

Он втайне завидовал покойной жене, которая могла тискать внуков, не заботясь о достоинстве главы клана.

— Дедушка, я хочу вам кое-что сказать...

Цуй Люй опустил голову. У его ног стояла крохотная девочка, едва достающая ему до колена. Она смотрела на него серьезно и прямо — Жань-эр, единственная дочь младшей сестры.

— О? И что же ты хочешь сказать дедушке?

Ван Чжижань было всего полтора года, она только училась говорить. Ускользнув от няньки, она хотела найти мать, но оказалась подле грозного деда и решила не упускать случая.

— Дедушка... Бабушка хочет братика, а меня — нет. Сказала, что меня продадут...

Ужин подошёл к сладостям. Подавали молочное пудинг из красных бобов и молочный тофу — солёный и сладкий. В уезде Хуйцзюй такие столичные изыски были редкостью: главный богач уезда на них не тратился, а у других не хватало средств. Новинки обходили это захолустье стороной.

Хуйцзюй считался беднейшим краем Цзянчжоу. Местные не любили тратить лишнего, и купцы считали торговлю здесь безнадёжным делом. Магазины торговали лишь самым необходимым. В то время как на Севере уже вовсю использовали качественное железо, в Цзянчжоу его могли позволить себе лишь богачи. Железо было под строгим надзором, а цены на него взвинчивали до небес.

Цуй Люй всё это время не просто искал еду через Цуй Чэна. Он велел собирать сведения о товарах, приходящих с Северных земель, особенно об изделиях из железа.

Мангалы, шампуры и кухонная утварь, стоявшие сегодня на столах, стоили ему целого состояния. В Северных землях это было в каждом доме, а здесь — признак роскоши. Те, кто промышлял перепродажей северных товаров, создали целую сеть. Они контролировали порты вместе с бандой речных перевозок и жестоко наказывали любого, кто пытался торговать в обход них.

Власти сейчас были заняты чисткой чиновничьего аппарата, меняя людей сверху донизу. Старые силы уходили, и на их месте поднимались новые — вчерашние грузчики и чернорабочие прибирали к рукам торговлю в Цзянчжоу.

Цуй Люй не собирался вступать с ними в открытую борьбу. Он знал: скоро император велит строить в Цзянчжоу верфи, чтобы создавать флот для заморской торговли.

Для скупки железа нужны были огромные средства. Те шайки, что держали порты, задрали цены так высоко, что у них самих почти не осталось наличных денег. Цуй Люй решил вливать туда золото. Пусть он знал, что новая власть вскоре разгонит эти банды, он всё равно готов был рискнуть.

Но он не был глупцом. Его целью была не перепродажа, а сами пристани.

Если он успеет построить современный, широкий порт до того, как за это возьмётся казна, он станет его фактическим владельцем. В новых законах императора был пункт: если частное лицо построило здание, приносящее пользу обществу, государство обязано выплатить компенсацию или признать право собственности строителя.

Он хотел стать этим строителем.

Этот порт был его «страховым полисом» на случай, если его внуку Цуй Фэну в будущем грозила бы доля беглого раба. Он не мог допустить, чтобы этот одаренный мальчик прозябал в нищете после разорения семьи. Если у него в руках будет такой актив, власти сохранят ему жизнь хотя бы ради управления портом.

— Фэн-эр, подойди ко мне.

Цуй Фэну было тринадцать. Цуй Люй воспитывал его сам, и мальчик во всём походил на деда: те же манеры, та же серьезность, тот же не улыбочивый взгляд.

Цуй Люй взял его за руку, и в его голосе прозвучала редкая нежность:

— Доволен ли ты своим новым двором? Цуй Чэн говорил, что ты не спал несколько ночей, пока я был в беспомощности. Почему же не зашёл ко мне, когда я очнулся? Понравилось ли тебе убранство твоего кабинета?

Все знали, как дорог деду старший внук, но никто ещё не видел, чтобы Цуй Люй проявлял такие чувства открыто. Фэн-эр и сам был напуган.

Дедушка раньше так не говорил. И не смотрел так.

Отец был прав: после болезни дед стал другим. Теперь он не начал встречу с допроса по урокам.

— Я пропустил несколько дней занятий... — выдавил Фэн-эр. — Учитель велел наверстать, потому и не смел беспокоить вас. Усадьба мне очень нравится. Спасибо, дедушка.

Цуй Люй вздохнул. Славный малый, в детстве был таким живым, а он превратил его в

маленького сухаря. В его годы пора бы и в игры поиграть.

«Что ж я наделал!»

Цуй Люй подтолкнул к нему Жань-эр.

— Ты старший в семье. Отныне, кроме книг, ты отвечаешь за игры младших. Твой двор велик, так что иди! Веди их всех к себе.

Фэн-эр замер, глядя на маленькую кузину, которая хлопала глазами. Он в замешательстве поднял взгляд на деда:

— Но дедушка... у меня ещё не все уроки закончены...

Цуй Люй не стал слушать возражений. Он подхватил малышку и буквально впихнул её в руки внука.

— Брось уроки. Завтра отпустишь учителя на пару дней домой. И устрой в своем дворе пир для друзей и однокашников.

С этими словами он достал из рукава заранее подготовленный свиток.

— Держи. Это мой подарок тебе по случаю переезда. Поздравляю тебя с тем, что ты стал хозяином собственного дома.

Фэн-эр одной рукой прижимал к себе кузину, а другой сжимал свиток — точно такой же, какой он видел в руках матери.

Тут уж все невестки зашевелились, зашептав детям: «Скорее! Поклонитесь дедушке!»

Ван Инцзинь сидел на своем месте как на иголках, а в зале поднялся такой шум, что, казалось, крыша подлетит.

Лишь глубокой ночью, когда гости разошлись, Цуй Люй смог поговорить с дочерьми. Юлин сидела, низко опустив голову и кусая губы.

— Свекровь не любит дочерей, это правда. Но муж... муж меня любит. Отец, это всего лишь наложница, я уже привыкла.

Сюроун взглянула на сестру ледяным взглядом.

— Этот Ван Инцзинь — торговец, его язык только и умеет, что лгать. Сколько раз он продавал старое зерно под видом свежего? Он лжец и лицемер! Одной рукой ласкает тебя, другой — тащит в дом наложницу, чтобы она родила ему сына. Ты совсем рассудок потеряла от его речей?

Цуй Люй кашлянул.

— Этот человек и впрямь не из лучших. Это я ошибся, когда выбрал его тебе в мужа. К счастью, новый император велел упростить регистрацию женских домохозяйств и изменил законы о браке. Пусть великие дома и недовольны, но для нас это выход. Теперь у разведенных женщин есть путь назад. Юлин, ты самая младшая, мы всегда всё решали за тебя, вот ты и выросла безвольной. В последний раз я приму решение за тебя. Разводись! И не бойся. Если останешься там — они тебя погубят.

На том и порешили. Цуй Чэн подготовил списки приданого и брачные договоры. Цуй Люй велел отобрать двадцать крепких охранников из числа сородичей и охранников поместья.

Весть о том, что две дочери дома Цуй возвращаются в отчий дом, прогремела на весь уезд Хуйцюй.

Имущество, которое только вчера уехало к зятям, сегодня с помпой вернулось обратно. Весь уезд, глядя на семьи Ван и Ли, чувствовал то же самое, что и они: «Жареная утка улетела прямо изо рта».

Хотели ли семьи Ван и Ли этого? Разумеется, нет.

Но Цуй Люй мог быть мягким с детьми, чувствуя свою вину. С несостоявшимися родственниками он церемониться не собирался.

— Дочери дома Цуй не рождены для того, чтобы терпеть обиды.

И он сам был их главной опорой.

<http://bllate.org/book/16118/1582497>